

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

СИНТАКСИС УРАЛЬСКОГО ПРАЯЗЫКА — СИНТАКСИС ТЮРКСКОГО ТИПА

О типе синтаксиса уральского праязыка в специальной литературе говорится слишком обще и неопределенно. Б. Коллиндер считал, что в уральском праязыке соблюдался порядок слов: определение + определяемое. Сказуемое помещалось на конце предложения. Союзы отсутствовали. В уральском языке не было гипотаксиса, предложения просто присоединялись друг к другу. Придаточным предложениям европейского типа соответствовали разные конструкции с отглагольными именами (Collinder 1960 : 248, 250). Примерно то же отмечал и Дь. Дечи (Décsy 1965 : 160, 161).

Если попытаться точнее определить тип синтаксиса уральского праязыка, то это был синтаксис тюркского типа, последний характеризуют определенные признаки:

1. Строго соблюдается закон порядка слов — определение + определяемое.
2. Наиболее важное следствие этого закона состоит в том, что все определения, а также конструкции, которые могут рассматриваться логически как развернутые определения, помещаются в начале предложения. Глагол в личной форме в этих случаях отодвигается обычно на конец предложения.
3. Примечательной особенностью является ярко выраженная тенденция к созданию простого предложения. Все потенциально возможные придаточные предложения путем своеобразной трансформации превращаются в члены простого предложения. Союзы для синтаксиса этого типа не типичны.
4. Велика частотность причастных и деепричастных, а также т. н. отпричастных конструкций, которые выступают здесь как основные средства устранения придаточных предложений, свойственных индоевропейским языкам.

Конечно, синтаксис современных тюркских языков не отличается абсолютным типологическим однообразием. Под влиянием нетюркских языков в нем появились элементы гибридизации, но мы отобрали характерные черты чистого тюркского типа синтаксиса. Выявить особенности синтаксиса тюркского типа в уральских языках нелегко. Дело в том, что многие уральские языки этот тип синтаксиса в значительной степени утратили под влиянием индоевропейских языков. Вряд ли правильно считать синтаксис современных саамского, прибалтийско-фин-

ских, мордовских и коми-зырянского языков синтаксисом тюркского типа. Есть уральские языки, например, удмуртский и марийский, где черты последнего проступают довольно отчетливо. Но они в свое время подверглись сильному влиянию тюркских языков — чувашского и татарского. Для выявления особенностей синтаксиса тюркского типа в уральских языках необходим особый метод исследования, включающий два основных приема: 1) эти черты выявляются в тех уральских языках, которые подверглись влиянию индоевропейских языков в наименьшей степени: такими могут быть самодийские и обско-угорские; 2) идет поиск реликтовых черт тюркского синтаксиса в языках, которые в сильной степени изменили тип синтаксиса (саамский, прибалтийско-финские, мордовские, коми и венгерский языки).

Ниже рассматриваются особенности синтаксиса отдельных уральских языков (см. также Wiedemann 1838).

Самодийские языки

Закон порядка слов — определение + определяемое — осуществляется довольно последовательно (Терещенко 1973 : 233). В ненецком языке все определения выдвигаются на первое место, форма родительного падежа всегда в препозиции: *Маня' нэсы' тикы вархана илева' 'Мы живем на том краю поселка'.*

Примечательной особенностью самодийских языков, как и тюркских, является тенденция к созданию простого предложения. Потенциально возможные определительные придаточные предложения заменяются причастными конструкциями: нен. *Нерняна' нудимы яха' пирця лаңг тайна хўбтарка 'Показавшийся впереди нас обрывистый берег реки еще довольно далеко' (Терещенко 1973 : 292).*

Сказуемое потенциально возможного дополнительного предложения, как и в тюркских языках, превращается в отпричастное имя и в форме винительного падежа играет роль дополнения основного глагола главного предложения: нен. *Тей яля' хэтбавара' нисяханда ваде' нара 'Расскажите вашему отцу, что вы вчера сказали (букв. вчера сказанное — ваше отцу вашему расскажите)' (Терещенко 1973 : 300).*

Для устранения возможных придаточных предложений широко используются формы косвенных падежей отглагольных и отпричастных существительных: нен. *Пэдара сыра махада' махад ты пэрта пэдарахад тарпа нэръяд 'Когда затвердевает снег в лесу, пастухи выходят из леса' (Куприянова, Хомич, Щербакова 1957 : 234, 278) (букв. 'от затвердевания снега (= после затвердевания) пастухи выходят из леса').*

Для создания простых предложений вместо сложных широко применяются, как и в тюркских языках, отглагольные времена с послелогоми: *Тованд пуна мань хантадм 'После того, как ты придешь, я уйду (досл. твоего прихода после я уйду)'.*

В самодийских языках возможны абсолютные деепричастные обороты со своим подлежащим: нен. *Небыда мят тюхува неацекеы мунзялма 'Когда мать вошла в чум, ребенок замолчал (букв. мать в чум войдя)'.*

Глагол в самодийских языках обычно занимает конечное положение: нен. *Иван яха' варан хая 'Иван к берегу реки ушел' (Алмазова 1961 : 5).*

Обско-угорские языки

Обско-угорские языки обнаруживают те же синтаксические особенности. Закон порядка слов — определение + определяемое — осуществляется

довольно последовательно. Родительный падеж отсутствует, но слово в именительном падеже, выступающее в роли определения, всегда занимает препозитивное положение: хант. *эви книга 'книга девочки', ики хоп 'лодка старика'*; манс. *Владимир Ильич сяне 'мать Владимира Ильича'*.

Как и в самодийских языках, довольно ярко выражена тенденция к созданию простого предложения. Потенциально возможные придаточные предложения и здесь заменяются причастными конструкциями. Особенно это характерно при замене определительных придаточных предложений: манс. *Ханты-Мансийскын миннэ наинхан парса хартыс 'В Ханты-Мансийск идущий пароход баржу тащит'* (Баландин 1960 : 12); хант. *Серезжа аукелн ёнтэм ернас л'эмытсыл'э 'Серезжа надел рубашку, которую сшила ему мать'* (Русская 1961 : 155, 213) (букв. 'Серезжа матерью сшитую рубашку надел').

Для устранения возможных придаточных предложений, как и в самодийских языках, используются формы косвенных падежей отглагольных и отпричастных конструкций: хант. *Л'ув нөх куригтал'н ерт ертыс 'Когда он проснулся, шел дождь'* (Русская 1961 : 149, 211) (букв. 'В его просыпании шел дождь'); манс. *Таласи усн ханись тахтуңкве минамунт, павыл янитыл ман овалтытув потырсыт 'Когда мы осенью уехали на учебу в город, про нас говорила вся деревня'* (Баландин, Вахрушева 1957 : 221) (букв. 'В нашем отъезде в город').

Для создания простых предложений вместо сложных в обско-угорских языках, как и в самодийских, употребляются отглагольные существительные с послелогоми: манс. *Тюмень ус найңханыл минамунт порат, сока сав пумась вармалъ васум* букв. 'Во время моей поездки в Тюмень на пароходе очень много интересного видел' (Баландин 1960 : 135); хант. *Л'ось л'өл'аюм ювпин муң вел'нысл'аты мәнсув 'После того, как стаял снег, мы пошли на промысел'* (Русская 1961 : 151, 211) (букв. 'После исчезновения снега мы пошли на промысел').

Глагол обычно занимает конечную позицию в предложении: манс. *Пыгрисъ ханисътан хумы нэпак кети 'Мальчик учителю письмо посылает'*; хант. *Сусн ёханэвы вуш, мөхсын на сорах вел'сыт 'Осенью в нашей реке добывают нельму, муксуна и сырка'* (Русская 1961 : 81, 191).

Необходимо, однако, отметить, что синтаксис самодийских и обско-угорских языков нельзя считать синтаксисом чистого тюркского типа. Под влиянием русского языка в них образуются придаточные предложения, вводимые союзами: нен. *Неа'на хаяди, ханя сидди нгэдара 'Лучше идите, куда вас послали'* (Куприянова, Хомич, Щербакова 1957 : 243); манс. *Мань паль ворт хот-типсув ос ат васлув, маныр варуңкве ос хоталь минуңкве 'Мы заблудились в густом лесу и не знали, что нам делать и куда идти'* (Баландин, Вахрушева 1957 : 235); хант. *Лэпкыт төта вэл'л'ыт, хөта ар ай вой 'Песцы живут там, где много мышей'* (Русская 1961 : 168).

Удмуртский и марийский языки

Совершенно явными признаками синтаксиса тюркского типа обладает синтаксис удмуртского и марийского языков. Здесь достаточно хорошо выдерживается закон порядка слов — определение + определяемое: удм. *Николай Иванович Переверзевлэн звеноез 'Звено Николая Ивановича Переверзева'*; мар. *Начальникын пытартыш шомакше ныжылгын каласыме ыле гынат, Лизан шўмышкыжө керылте* (Юзыкайн 228) 'Хотя последние слова начальника были произнесены ласково, сердце Лизы вострепенулось'.

Деепричастные конструкции занимают препозицию: удм. *Берпум*

культозэ керттыса, Матрон апай Катя туклячиез съӧры бызис (Красильников 35) 'Связав последний сноп, Матрена побежала к своей сватье'; мар. *Пӧртыш пурымеке, Семон шинельжым кудаше* (Юзыкайн 37) 'Войдя в дом, Семен снял шинель';

В этих языках наблюдается тенденция к созданию простого предложения, устранению придаточных определительных предложений и замене их причастными оборотами: удм. *Катяслэн турнан интыязы егитӧс трос люкаськиллям* (Гаврилов 68) 'На месте, где косила Катя и ее подруги, собралось много ребят'; мар. *Сурт оза кӱртнӧ воштыр мучаште кечыше лоптырес кӱшкыран лампе дек мийыш, тулым кугемдыш* (Юксерн 69) 'Хозяин дома подошел к висевшей на конце железной проволоки грязной лампе и увеличил огонь'.

Для устранения возможного дополнительного придаточного предложения в удмуртском и марийском языках употребляется отпричастное имя, которое превращается в дополнение основного глагола: удм. *Атаев пиезлэсь тазыы лэсьтонзэ ноку но ӧз малпалля* (Архипов 35) 'Атаев никогда не думал, что сын его так поступит'; мар. *Мом ыштымышамат ок шиниче* (Юзыкайн 19) 'Что нужно делать, не знает'.

Возможны абсолютные деепричастные обороты: удм. *Кык ар ортыса Сэдыклэн пиез вордскиз* (Архипов 21) 'Когда прошло два года, у Сэдык родился сын (букв. два года пройдя, у Сэдык родился сын)'; мар. *Шошым, мланде кошкымеке, кумшо курсышто тунемше-влак военный дело уроклан яндар пасушко лектыныт* (Иванов 4) 'Весной, когда просыхает земля, учащиеся третьего курса выходят в чистое поле на уроки военного дела'.

Для устранения придаточных предложений удмуртский и марийский языки, как и тюркские, используют падежные формы отглагольных существительных: удм. *Мон совхозэ ветлытозь, тон турнандэ быдэстмед* (разг.) 'Пока я ездил в совхоз, ты закончил косьбу (букв. до поездки)'; мар. *Тыйын колымешкет, тыйым мый ом кудаalte* (разг.) 'Пока ты не умрешь (до твоей смерти), я тебя не брошу'. Употребляются также послеложные конструкции: мар. *Васлин черкыш миен пурымыж годым амвон гыч дьякон кутырен* (Юксерн 82) 'Когда Васлин вошел в церковь, с амвона говорил дьякон (букв. Во время вхождения Василина в церковь с амвона говорил дьякон)'; удм. *Бакин кошкем бере, Варан Сергей кӧня ке чалмыт луизы* (ГСУЯ 326) 'После того как Бакин ушел, Варя с Сергеем некоторое время сидели молча'.

В марийском языке конечная позиция глагола — почти правило, в удмуртском это правило может нарушаться: удм. *Шур кузя пуксылэм мунчоосысь ӧын потэ* (Самсонов 49) 'Из бань, стоящих возле реки, выходит дым'; мар. *Мыят Ӱпӧ олаште заводшышто пашам ыштенам* (Юзыкайн 105) 'И я работал в Уфе на заводе'.

Однако следует заметить, что в марийском и удмуртском языках могут быть образованы придаточные предложения, вводимые союзами, что объясняется влиянием русского языка: удм. *Асьме странаемы вань сыӧе шурӧс, кудӧсыз ялан одӧг интыетӧ уг бызе* 'В нашей стране есть такие реки, которые не текут по одному месту' (ГСУЯ 333); мар. *Мый йӧратем тугай жапым, кунам ландыш пеледеш* 'Я люблю такое время, когда цветет ландыш' (СМЯ 60).

Существуют уральские языки, в которых характерные черты синтаксиса тюркского типа в значительной мере утратились. К ним принадлежат венгерский, коми, мордовские, прибалтийско-финские и саамский языки.

Коми язык

В синтаксисе современного коми языка чувствуется большое влияние синтаксиса русского языка. Однако если абстрагироваться от результатов этого влияния и произвести некоторые изыскания, можно обнаружить признаки синтаксиса иного типа, который был некогда присущ пермским языкам.

Закон порядка слов — определение + определяемое — в основном соблюдается, это выражается в препозиции родительного падежа, например, *воклӧн пиыс* 'сын брата', в препозиции причастий и деепричастных конструкций, например, *стенын ӧшалысь ружье* 'на стене висящее ружье', *Кӧръяс йылысь вунӧдӧмӧн*, *Вася ускӧдчис вотчыны мунысьяс ӧбрьсь* (Рочев 156) 'Забыв об оленях, Вася бросился догонять идущих'.

В современном коми языке тенденция к созданию простого предложения исчезла и возможны придаточные предложения русского типа, вводимые союзами: *Ленин велӧдис, мый советскӧй стройлӧн медся ён сторонаӧн являйтчӧ выль общество стрӧйтӧмын став народлӧн участвуйтӧм* 'Ленин учил, что самой сильной стороной советского строя является участие всего народа в строительстве нового общества' (СКЯ 274).

Однако иногда встречаются абсолютные деепричастные обороты, свидетельствующие об иной структуре предложения в прошлом: *Чомйӧ бӧр бергӧдчигӧн, шондыс вӧлі нин асыв лунын* (Рочев 51) 'Когда он возвращался в чум, солнце было уже на востоке (букв. в чум назад возвращаясь, солнце было уже на востоке)'; *Чомйӧ вӧлісны ывла югдигӧн* (там же, с. 116) 'Пришли в чум, когда светало (букв. пришли в чум, улица светая)'

Глагол не занимает в предложении конечного положения: *Бара воис гажа тулыс. Пондӧсны-варавитны-бузгыны Печораӧ тэрмасьысь шоръяс* (Торопов 6) 'Снова пришла веселая весна. Начали говорить — шуметь ручьи, спешащие в Печору'. Между тем некоторые факты свидетельствуют о том, что некогда глагол занимал конечное положение. Об этом говорит структура прошедшего длительного времени: *муна вӧлі* 'я шел тогда', *мунан вӧлі* 'ты шел тогда' и т. д.

Мордовские языки

По степени утраты характерных особенностей синтаксиса тюркских языков синтаксис мордовских языков во многом напоминает таковой коми языка. Закон порядка слов — определение + определяемое — соблюдается только в препозиции родительного падежа: эрз. *Телеграфонь усъкенть лангс оазь озязт* (Куторкин 114) 'На провода телеграфа сели воробьи'.

Появились здесь придаточные предложения русского типа: *Тимовитненъ ротанъ боецтые леднестъ автоматчиктненъ ланга, конат чийсть танкатненъ ды бронетранспортертненъ мельга* (Прохоров 40) 'Бойцы роты Тимофеева стреляли по автоматчикам, которые бежали за танками и бронетранспортерами'; *Тевесь сеньсэ, полковой комиссар ялгай, што минь еще эзник тонадь населенной пунктсо боень ветямо* (там же, с. 45) 'Дело в том, товарищ полковой комиссар, что мы еще не научились вести бой в населенных пунктах'.

Конечное положение глагола не является правилом: *Сынь сермалестъ эрва недлясто* 'Они писали каждую неделю' (Прохоров 15) *Лисьма-прястонть чудсь чудикерькске* (там же) 'Из родника вытекал ручеек'.

В этих языках, однако, есть следы, свидетельствующие о том, что структура предложения и порядок слов когда-то были иными. Изредка встречаются абсолютные деепричастные обороты: мокш. *Чинь стямсто, молян паксяв* 'Во время восхода солнца пойду в поле' (ГМЯ 324)

(букв. 'Солнце вставая, пойду в поле'); *Зяро-бути шкань ютазь верьгиз-энь сельметне лоткасть цитнемадо* 'Через некоторое время глаза волка перестали блестеть (букв. некоторое время пройдя, глаза волка перестали блестеть)'. Имеются также следы позиции глагола в конце предложения, ср. формы типа эрз. *невтезель* 'был показан', *аравтозель* 'был поставлен'. Элемент *эль* представляет древнюю форму 3-го лица единственного числа первого прошедшего времени от вспомогательного глагола *улемс* 'быть', соединенную с причастием прошедшего времени на -3ь.

Прибалтийско-финские языки

Специфические особенности синтаксиса тюркского типа в прибалтийско-финских языках сильно размыты, как и в мордовских.

Закон порядка слов — определение + определяемое — проявляется регулярно только в препозиции родительного падежа: фин. *He kävelivät kaupungin valtakatua* (Наанпää 7) 'Они шли по главной улице города'; эст. *Peremehe silm olevat töö juures tubli mehe jõudu väärt* (Sirge 8) 'Глаз хозяина, как говорится, стоит доброго работника'.

В этих языках появились придаточные предложения, вводимые союзами: фин. *Anna käsitti, että sumu oli hajonnut* (Timonen 81) 'Анна поняла, что туман рассеялся'; эст. *Aga kas täib peremees kaabulotist lahkuda, mis on teda nii palju aastaid teeninud* (Sirge 30) 'Но разве может хозяин расстаться со своей шляпой, которая служит ему столько лет'. Конечная позиция глагола стала необязательной, ср. фин. *Pahainen lamppu tuikutteli ylenpalttisessa pimeydessä* (Наанпää 451) 'Плохая лампа мерцала в кромешной тьме'.

Однако в прибалтийско-финских языках встречаются случаи использования падежных форм отглагольных имен, устраняющих потребность в придаточных предложениях: фин. *Junan saapuesssa (= kun juna saapui) paljon ihmisiä oli asemalla* 'При прибытии поезда (= когда поезд прибыл) многие люди были на вокзале'; *Kirjasen lähdettyä Aino vilkaisi kelloon* (Timonen 58) 'Когда Кирьянен уехал, Аино посмотрела на часы'; эст. *Rongi peatudes märkas poiss isa* 'Когда поезд остановился, мальчик заметил своего отца'. Отражением отсутствия придаточных предложений в финском языке являются также причастные конструкции: *Sanokaa sanottavanne lyhyesti* 'Скажите коротко, что вы имеете сказать'.

Саамский язык

Положение в саамском языке очень напоминает таковое в прибалтийско-финских. Строгое соблюдение закона порядка слов — определение + определяемое — здесь нарушается, но препозиция родительного падежа сохраняется: ср. *David bardne* 'сын Давида'. Как и в прибалтийско-финских языках, здесь возникли придаточные предложения, вводимые союзами: *Johannes eli jaskadet mæcest, gidda dassači go son læi 30 jakkasas* (Vogt 146) 'Иоганн жил тихо в лесу, пока ему не исполнилось 30 лет'. Тенденция к постановке глагола на конце предложения утратилась: *Kain gilvi bældo ja Abel šaddai savccagæssen* 'Каин обрабатывал землю, а Авель стал пастухом'.

Венгерский язык

Отклонения от тюркского типа синтаксиса, наблюдаемые в венгерском языке, в основном те же, что отмечены в прибалтийско-финских языках. Закон порядка слов — определение + определяемое — соблюда-

ется главным образом в изафетной конструкции. Исчезла тенденция к постановке глагола на конце предложения. Возможны придаточные предложения, вводимые союзами, что могло быть следствием влияния индоевропейских языков, главным образом — немецкого и славянских.

Таким образом для истории синтаксиса уральских языков характерен процесс постепенного исчезновения характерных черт синтаксиса тюркского типа. По степени сохранности этих черт уральские языки можно разделить на две группы — языки, сохраняющие основные особенности синтаксиса тюркского типа, и языки, в значительной степени эти особенности утратившие. К первой принадлежат языки самодийские, обско-угорские, удмуртский и марийский, ко второй — все остальные.

С исторической точки зрения эти явления вполне объяснимы. Носители самодийских и обско-угорских языков благодаря своей географической изолированности в меньшей степени были подвержены влиянию русского языка, удмуртский и марийский языки позже попали под русское влияние и тюркские языки способствовали сохранению в них черт уральского синтаксиса. Язык коми никогда не испытывал заметного влияния тюркских языков. У мордвы тоже не было каких-либо тесных контактов с тюркскими народами, большое влияние русского языка на мордовский исторически вполне объяснимо. Влияние синтаксиса русского языка испытывали и восточные прибалтийско-финские языки, а также кольско-саамские диалекты. В финском и венгерском языках сказалось влияние западноевропейских языков. Такое же влияние испытал и язык западных саамов.

Сокращения

Архипов — Т. А. Архипов, Лудзи шур дурын, лок 2, Ижевск 1957; **Гаврилов** — И. Г. Гаврилов, Ворднськем палъёсын, Ижевск 1982; **ГМЯ** — Грамматика мордовских языков, Саранск 1962; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962; **Иванов** — В. Иванов, Тўтан, Йошкар-Ола 1965; **Красильников** — Г. Красильников, Вуж юрт, Ижевск 1953; **Куторкин** — А. Д. Куторкин, Лажиния Сура I, Саранск 1969; **Прохоров** — П. В. Прохоров, Цидярдом, Саранск 1978; **Рочев** — Я. М. Рочев, Кык друг, Сыктывкар 1951; **Самсонов** — С. А. Самсонов, Шур мед бызёз, Веросъёс, Ижевск 1976; **СКЯ** — Современный коми язык, Сыктывкар 1955; **СМЯ** — Современный марийский язык, Йошкар-Ола 1961; **Торопов** — И. Торопов, Челядылы висътьяс да повесть, Сыктывкар 1982; **Юзыкайн** — А. Юзыкайн, Кугызан вуй, Йошкар-Ола 1967; **Юксерн** — В. Юксерн, Вўдшў йога — серже колеш, Йошкар-Ола 1975; **Наанрпää** — Р. Наанрпää, Yhdeksän miehen saappaat, Helsinki 1954; **Sirge** — R. Sirge, Maa ja rahvas, Tallinn 1956; **Timonen** — A. Timonen, Tulilahden vastuulla, Petroskoi 1957; **Vogt** — V. Vogt, Bibalhistoria ja vahaš girko historiat, Kristiania 1898.

ЛИТЕРАТУРА

Алмазова А. В. 1961, Самоучитель ненецкого языка, Ленинград.
 Баландин А. Н., Вахрушева М. П. 1957, Мансийский язык, Ленинград.
 Баландин А. Н. 1960, Самоучитель мансийского языка, Ленинград.
 Куприянова В. Н., Хомич А. В., Щербакова А. И. 1957, Ненецкий язык. Учебное пособие для педагогических институтов, Ленинград.
 Русская Ю. Н. 1961, Самоучитель хантыйского языка, Ленинград.
 Терещенко Н. М. 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
 Collinder, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Uppsala.
 Décsy, Gy. 1965, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden.
 Wiedemann, F. J. 1838, Über die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mittel-Hochasiens, Reval.

**DIE SYNTAX DER URALISCHEN GRUNDSPRACHE —
EINE SYNTAX DES TURKSPRACHIGEN TYPUS**

Die Darstellungen zur Syntax der uralischen Grundsprache sind recht allgemein gehalten. Es wird behauptet, daß es im Ururalischen keine Nebensätze und Konjunktionen gab. Die Subordination war für die uralischen Sprachen nicht charakteristisch, das Verb stand am Satzende usw. Hinsichtlich dieser Probleme sind konkretere Standpunkte erforderlich. Die Syntax der uralischen Grundsprache ist eine Syntax turksprachigen Typs gewesen.

Die samojedischen und obugrischen Sprachen weisen zahlreiche, vollkommen selbständig entstandene Züge des turksprachigen Typs auf. Im Udmurtischen und Marischen sind diese am auffälligsten erhalten, weil die Turksprachen hier einen konservierenden Einfluß ausübten.

In bezug auf die anderen finnisch-ugrischen Sprachen sei konstatiert, daß sich die Syntax turksprachigen Typs im Laufe der Zeit aufgrund des Einflusses der indoeuropäischen Sprachen (Russisch, Lettisch, Deutsch, skandinavische Sprachen) wesentlich verändert hat. Nur einzelne Relikte sind im Ungarischen, Mordwinischen, Syrjänischen, Lappischen und in den ostseefinnischen Sprachen festgestellt worden.